

Как известно, в советские времена исключение из рядов партии ставило крест на карьере человека, нередко вслед за этим против него возбуждалось и уголовное дело. В случае с В. В. Мавродиным дело до ареста и уголовного наказания, к счастью, не дошло. Есть основания полагать, что причиной тому стала справка от 27.02.1951 г., представленная в Ленинградский ОК ВКП (б) начальником Управления Министерства государственной безопасности по Ленинградской области Н. Д. Горлинским, с информацией о том, что никакие серьезные обвинения в отношении Мавродина в ходе допросов «бывших поповцев» подтверждения не получили¹.

Тем не менее, по инициативе Ленинградского ОК ВКП (б) в марте 1951 г. В. В. Мавродин был освобожден от заведования кафедрой, а в августе 1952 г. уволен из университета под предлогом сокращения «объема работы на историческом факультете». Реабилитирован по партийной линии Владимир Васильевич был уже после смерти И. В. Сталина, в июне 1954 г.

Список литературы

Дворниченко А. Ю. Владимир Васильевич Мавродин. Страницы жизни и творчества. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2001.

А. Ю. Дворниченко

ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ МАВРОДИН — УНИВЕРСИТЕТСКИЙ ПРОФЕССОР

Дворниченко, Андрей Юрьевич, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9, a.dvornichenko@spbu.ru
Dvornichenko, Andrey Yur'evich, professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation, a.dvornichenko@spbu.ru

Владимир Васильевич Мавродин — университетский профессор²
Vladimir Vasil'evich Mavrodin as the university professor

Аннотация. Владимир Васильевич Мавродин — университетский профессор — образ чрезвычайно емкий и многозначный. Он включает в себя целый набор качеств, охарактеризованных в статье. Дело ведь отнюдь не в популярной антиномии: университетский и академический ученый. Владимир Васильевич пользовался огромным авторитетом, в том числе и в академической среде. В основе же его профессорского образа целый набор удивительных качеств. Это и огромная эрудиция, которая позволяла ему ориентироваться во всех проблемах отечественной истории. Это и явно выраженные педагогические способности. Вспомним и о его кристально чистом морально-нравственном облике, а также о его преданности родному Ленинградскому университету. В новых советских условиях В. В. Мавродин стал блестящим представителем петербургской (ленинградской) исторической школы.
Abstract. Vladimir Vasil'evich Mavrodin as the university professor is a very complex multifaceted image. It is no about the difference from the image of an academician — Mavrodin was an acknowledged authority in the academic world too, but first and foremost he was a *genuine* professor. This image draws on a number of remarkable features. First of all, he was a man of great learning: it seemed to everybody who knew him that he had a profound understanding of all problems of the Russian history. He also possessed outstanding pedagogical talent. We remember his impeccable moral character and deep devotion to his native country and also his alma mater — Leningrad State University. In new conditions of Soviet time he became a bright representative of St. Petersburg historical school.

¹ РГАСПИ. Там же. Л. 169–170.

² Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект «Петербургская историческая школа (XVIII – нач. XX в.): биографическая база данных и информационный ресурс», проект №16-06-00528

Ключевые слова: Владимир Васильевич Мавродин, профессор, педагог, петербургская (ленинградская) историческая школа.

Keywords: Vladimir Vasil'evich Mavrodin, university professor, teacher, St. Petersburg historical school.

Это, пожалуй, самая четкая, ясная, емкая и в то же время полисемантическая формула, которая определяет образ Владимира Васильевича, его роль и значение в исторической науке и истории советской высшей школы. Формула эта еще и глубоко символична: всегда в истории европейской цивилизации наука ассоциировалась с университетами, а университет, и те «профессора, что студентов учат», воспевались уже вагантами. Университет — это «универсум», целый мир, мироздание...

На российской почве все было сложнее, и позже, и специфичнее. Здесь была (и есть) еще своеобразная Академия наук, весьма отличавшаяся от своих западных собратьев. Но дело сейчас вовсе не в том, чтобы в очередной раз противопоставить друг другу российскую университетскую и академическую науку. Хотя касательно Владимира Васильевича здесь своя пикантность, поскольку в эвакуации коллектив двух университетов — Ленинградского и Саратовского выдвинул его в АН СССР. Потом уже в Ленинграде не раз еще выдвигали, но все безрезультатно. Почему? Сейчас не время и не место разбираться... Может быть, у нас *настоящий* профессор и не должен быть членом-корреспондентом и академиком? Рассказывают же об одном классике науки, что он воскликнул: «Нет выше звания профессора Петербургского университета!». Правда, злые языки говорят, что воскликнул он это, когда не был избран в академию. Но это ж только злые!

Во всяком случае, то, что Владимир Васильевич не состоял членом АН, никак не повлияло на его авторитет, в том числе и в академических кругах. Не раз он возглавлял научные коллективы, в которые входили академические ученые, и эти коллективы занимались плодотворной работой на ниве музыки Клио. Что ж, когда мы начинаем разбираться в том, какие черты свойственны *настоящему* университетскому профессору, то одно из первых и важнейших качеств — это огромный, непререкаемый авторитет. И у Владимира Васильевича это было в полной мере. Конечно, и эпоха тогда была другая... Но даже с учетом эпохи видим, что авторитет ученого был потрясающим. Он граничил с легендой, все знали и уважали его, а светлое его имя открывало все двери. Я, конечно, не время гонений имею в виду.

Авторитет основывался на целом букете качеств Владимира Васильевича. Это, прежде всего, его мощный интеллект, энциклопедические знания. Казалось, что об истории Отечества он знает буквально все. Известно, что без всякой специальной подготовки он мог с кафедры ли, на радио ли рассуждать на какую угодно тему по истории России. Причем эти рассуждения никогда не были дилетантскими! Ведь интеллект его был удивительно системным и упорядоченным. Его знания не знали границ: сегодня он мог выступить с лекцией о Древней Руси, а завтра — по истории КПСС. Конечно, попасть в тональность такого человека было нелегко — достаточно вспомнить его семинар. Я уже из немногих, кто хорошо помнит эти семинары. Одну неделю мы слушали доклад об истории Киевской Руси, вторую неделю о петровском Адмиралтействе и т. д. Но это придавало семинару особый интерес, чрезвычайно расширяло кругозор.

Естественно, о широте его интересов говорят и замечательные работы ученого. Тут, как известно, спектр потрясающий: от древних славян до проблем истории XX в. Как *настоящий* профессор Владимир Васильевич — выдающийся ученый. Его вклад в изучение исторической науки огромен, и без этого вклада невозможно представить

советскую историческую науку в целом¹. Причем работы его хронологически охватывают всю российскую цивилизацию. А лучше сказать, что они посвящены ключевым, узловым — назовите, как хотите, — точкам бифуркации российской истории. Собранные вместе его исследования — целая энциклопедия истории России.

Любимая тематика Владимира Васильевича — Киевская Русь — истоки нашей истории. Он был замечательным знатоком этой эпохи, а книги его, посвященные изучению древнерусской государственности, экономики, культуры, вошли, что называется, в золотой фонд отечественной исторической науки. Достаточно сказать, что он стал создателем теории древнерусской народности. Сейчас по-разному относятся к этой теории, но никто не склонен преуменьшать ее значение. У Владимира Васильевича были предшественники, но только его интеллект позволил создать такую целостную и яркую концепцию. Он возглавлял научный коллектив, создавший уникальный историографический труд, посвященный Киевской Руси.

Велик вклад историка в изучение российских «средних веков» (если следовать периодизации Н. М. Карамзина), то есть XIV–XVII столетий. С этого он, собственно, и начинал. Но такой же неизбывной любовью, как и Киевская Русь, стал очень кстати недостаточно изученный «осмнадцатый» век, который ученый также прекрасно знал. Он «прошел» его весь: от петровских преобразований до «государыни матушки Екатерины». И в нем, в этом столетии, были свои точки бифуркации: «прозрачный Петрополь» и восстание под руководством Емельяна Пугачева. Без работ Мавродина по истории нашего славного города теперь историю Петербурга уже не представить, а достижения в области изучения «крестьянской войны» в рекламации не нуждаются: все признают, что историк, по сути дела, стал создателем новой советской теории — крестьянских войн. Все знают трехтомное издание о Емельяне Пугачеве и его войне, в котором Владимир Васильевич написал целый историографический том, и другие работы, посвященные этой теме.

Все творчество историка буквально пронизано историографией, он обладает тонкой историографической культурой. Он чуткий и глубокий источниковед, он знаток старого быта со всеми его интересными яркими деталями. В общем, этот портрет ученого в интерьере его эпохи можно рисовать до бесконечности.

Но настоящий университетский профессор — это еще и педагог от бога. Тут не могу не поделиться воспоминаниями. Когда я поступил в Университет, профессор был уже телесно слаб, с трудом взбирался на кафедру. Но взобравшись туда, он вдохновлялся сам и вдохновлял слушателей, как-то легко и незаметно погружая нас в такие глубины истории, которые нам и не снились. Он мог буквально воссоздать воздух каждой эпохи...

Столь же запоминающимися и впечатляющими были и семинарские (практические) занятия, которые он никогда не перекладывал на плечи других. Было ли это совместное чтение «Повести временных лет» или «Правды Русской», знания, почерпнутые из общения с профессором, сопровождают нас всю нашу научную жизнь. Профессор удивительно общался с учениками. Тут мы можем суммировать воспоминания самых разных поколений учащихся: он никогда не подвергал подопечных гиперопеке, мудро и аккуратно вел их по торной тропе увлекательных, но чрезвычайно трудных исторических научных исследований. При этом мало кто мог так вдохновить обучаемого.

¹ См. подробно: *Дворниченко А. Ю.* Владимир Васильевич Мавродин. Страницы жизни и творчества. СПб.: Филологический факультет, 2001.

Помню, как на четвертом курсе он опубликовал в «Вестнике ЛГУ», в разделе «мелкие заметки», мою статейку. Радости моей не было конца, жадно хотелось жить и работать.

Это, кстати, еще одно качество такого профессора, каким был Владимир Васильевич: особое отношение к окружающим. Профессор был воплощением порядочности и доброты, доброжелательного и теплого отношения ко *всем* людям и, прежде всего, к тем, с которыми сталкивала судьба. Люди, к сожалению, далеко не всегда отвечали ему взаимностью: они ведь, как известно, разные. Да и контекст эпохи — жесткой и не очень располагавшей к доброте — тоже вносил свой неприятный колорит. Но профессор непоколебимо стоял на своем морально-нравственном фундаменте: его не могли изменить ни доносы коллег, ни происки тогдашней власти. Для молодого же человека, который только вступил на путь своего научного и личного развития, общение с ним было чистым наслаждением. Рассказы его об истории, о жизни, о деталях тех или иных эпох запоминались на всю жизнь. Он очень был привязан к своей семье, верность ей хранил всю жизнь: жене Анне Афанасьевне, сыну Валентину, с которым даже книгу интереснейшую написал. Но держал в поле зрения, всячески помогал, опекал очень многих, родственников и совсем, вроде, чужих людей. Был необычайно, как теперь принято говорить, толерантен к взглядам других — среди его учеников, например, были представители диаметрально противоположных взглядов...

А вот и еще одно качество настоящего российского профессора — верность своему университету. Наши профессора хранят трогательную верность своим университетам и предпочитают их покидать «вперед ногами». Тому есть масса примеров... Для Владимира Васильевича Ленинградский университет был *alma mater*, в полном смысле родным домом. Тут все сошлось, слилось воедино: и то, что он учился в этом заведении, и то, что он находился в любимом городе. Ведь, будучи выходцем с российской южной «украины», он страстно полюбил Ленинград. И сам город, и его пригороды: местом отдохновения был Зеленогорск, где ученый любил жить на даче. Здесь он обрел и вечный покой. Да, собственно, весь огромный город был для него домом. Меня сначала удивляло, что он не заводил большой личной библиотеки, как это принято у ученых-историков. Но потом стало ясно, что «личными» библиотеками для него были и БАН, и «Публичка». Ему всегда нравились места обитания в Городе, начиная с первого «локуса» на Кронверской улице в старинной Коломне и до любимой квартиры на проспекте Гагарина, под окнами которой, по его восхищенному рассказу, много лет распевали соловьи. Город, вообще, был для него огромной книгой, которую он с удовольствием листал и прекрасно знал очень многие страницы. Университет был тут «государством в государстве»... Сколько было завлекательных предложений (например, министром в Молдавию или чиновником в Москву), а то и приказов — заведующим отделом в горком. От всего отказывался, умел как-то не особо обижая предлагавших отбиться. Видимо, и Провидение вело, как было в случае с этим пресловутым горкомом, от которого ведь было не отказаться.

Владимир Васильевич стал, по сути дела, отцом-основателем современного исторического факультета (теперь Институт истории). Протиснувшись через тернии преобразований 20-х годов (на время которых и пришлось студенческие годы В. В.), продравшись сквозь тернии всех этих странноватых ЛИЛИ, ФОНов и прочего «перестроечного бреда», историческая наука и образование обрели в 1934 г., наконец, более или менее оптимальную форму и содержание в рамках Ленинградского университета. Во главе исторической факультета стал представитель старой профессуры, замечательный про-

фессор М. Д. Приселков. Однако надломленный «контекстом эпохи», он довольно скоро умер, и капитаном истфаковского корабля стал Мавродин. Он стоял на этом капитанском мостике целую эпоху — до начала 70-х годов. Лишь временами мерзкий и бурный ветер культа личности заставлял его покидать свой пост. Однако окончательно быть капитаном-деканом он перестал под воздействием уже других — затхлых ветров, застойного времени начала 70-х годов. Впрочем, и в эти годы он возглавлял кафедру истории СССР, которую лишь в начале 80-х годов передал своему любимому ученику Игорю Яковлевичу Фроянову. Его жизнь была неотделима от родного факультета и шире — родного Университета. Вместе с ним он сражался с врагом в осажденном Ленинграде, вместе с ним был в эвакуации в Саратове. После войны, как мог, участвовал в жизни Университета: возглавлял издательство, был членом парткома, главным редактором «Вестника ЛГУ» и т. д. Ученый достойнейшим образом представлял родное учебное заведение везде и на всех уровнях: был председателем проблемного совета по истории, делегатом самых разных конференций, и очень еще много кем.

В новых условиях советского периода нашей российской истории Мавродин стал блестящим представителем славной петербургской (ленинградской) школы. Мне уже приходилось об этом писать, а недавно ушедший из жизни В. М. Панеях писал как о представителе петербургской школы о Б. А. Романове¹. Такой подход вызывает некие сомнения в современной историографии. Однако я продолжаю настаивать на своем. Конечно, в рамках доклада изложить всю аргументацию не представляется возможным, но позволю себе высказать несколько соображений. В нашей исторической науке, в историографических штудиях пока не могут дать оптимального определения исторической школы — элементы таких определений отличаются крайним разнообразием и меняются от времени к времени, от автора к автору. Особенно сложно понять, что подразумевается под московской и петербургской историческими школами, в чем отличие одной от другой. В последние десятилетия сторонники существования двух этих школ (представители петербургской школы) любят цитировать ставшие знаменитыми слова А. Е. Преснякова, который в основу специфики петербургской школы положил «...научный реализм, сказывающийся в конкретном непосредственном отношении к источнику и факту», отсутствие привязанности у петербургских историков к априорной социологической схеме. Однако следование заветам выдающегося петербургского историка иногда заводит нас в тупик: ведь и московские историки к источнику и факту относились неплохо, а некоторые социологические схемы петербургских историков (например, Н. П. Павлова-Сильванского) «подкармливали» историческую науку у нас в стране весь советский период.

Не пора ли обратиться и к другим чертам научного творчества историков, к разного рода деталям, «гению места», наконец? Такой подход вполне можно отрабатывать именно на примере Мавродина. Он признанный глава ленинградской исторической школы в советские времена, а сам советский период, как теперь видно, — своеобразное продолжение «дореволюционной» эпохи. В то же время научные взгляды Владимира Васильевича, несмотря на тот общий знаменатель, под который пытались подвести историков власть и общая методология — марксизм-ленинизм, отличаются рядом характерных черт, которые никак не дают их спутать со взглядами московских историков. Речь, в первую очередь, идет о древнейшей нашей восточнославянской истории, о возникновении государства, о степени развития феодализма. Уже в знаменитых спорах

¹ *Панеях В. М. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб., 2000.*

в ГАИМЖе Владимир Васильевич сомневался в раннем бурном развитии феодализма в Киевской Руси. Эти сомнения так или иначе отражались и в его более поздних работах. Такие взгляды резко диссонировали с теми, которые развивались в Москве и в Киеве в советское время. Именно эти взгляды Мавродина (а не только его удивительная толерантность) привели к появлению в науке в самый разгар «застоя» своего рода феномена И. Я. Фроянова, а затем и его школы.

Игорь Яковлевич по прошествии длительного времени, по его словам, окончательно осознал, что, если бы он сумел как-то зацепиться в Москве, куда прибыл с рекомендациями своего первого учителя В. А. Романовского, то никакого нового прочтения древнерусской истории не получилось бы — попросту не позволили бы. Владимир Васильевич не только стал учителем Игоря Яковлевича, но сам с удовольствием воспринял его взгляды. Вот почему стали выходить их совместные статьи, а сам Мавродин использовал наблюдения ученика и в своих работах, и в лекционной деятельности, чему и я свидетель. Как уже написал в свое время А. В. Петров, можно со всем основанием говорить о единой и неразделимой школе Мавродина — Фроянова. Тут самое время напомнить, что взгляды самого Игоря Яковлевича стали творческим развитием лучших традиций российской исторической науки¹, в том числе того же А. Е. Преснякова. Не здесь ли ключ к пониманию уже другого феномена — ленинградской исторической школы как своего рода естественного (насколько это возможно в противоестественных условиях нашего XX в.) продолжения петербургской школы. Конечно, школа Мавродина — Фроянова не исчерпывает всего богатства ленинградской школы. Как известно, с легкой руки академика Л. В. Черепнина понятие «ленинградская школа» закрепилась за группой выдающихся историков Ленинградского отделения Института истории (ЛОИИ), включавшей в себя Ю. Г. Алексеева, А. И. Копанева, Н. Е. Носова. Можно тут вспомнить и группу по изучению аграрной истории средневековой Руси, которую возглавлял А. Л. Шапиро. Да многое еще можно вспомнить! Но важно осознать, что между этими исследовательскими группами и индивидуумами сходства, единства было гораздо больше, чем с их московскими коллегами. Это ли не проявление школы?!

В заключение отмечу, что изучать жизнь и творчество Владимира Васильевича Мавродина — нелегкая исследовательская задача. Вроде бы, много учеников, современников, живо помнящих его жизнь. А творчество — вот оно перед нами! Но сравним его с другим выдающимся ученым — Георгием Владимировичем Вернадским, творчеством которого мне также приходилось заниматься. Кстати, есть версия, что во время своего визита (тогда это было редкостью) в США, В. В. встречался с бывшим магистрантом кафедры русской истории Петербургского университета. Так вот жизнь и творчество Георгия Владимировича прекрасно документированы: в одном только Бахметьевском архиве в Нью-Йорке более 80 тысяч документов. А ведь еще есть и наши архивы! А В. В. своего архива не сформировал, документов не сохранял. Требуется мобилизация, прежде всего, эпистолярного материала, чем начала заниматься талантливая украинская исследовательница Наталья Николаевна Юсова². К сожалению, она преждевременно ушла из жизни. Необходимо продолжить начатое ею дело, необходимо поднять *oral history*, провести интервью с теми, кто его еще помнит. И тогда через пелену времени,

¹ См. например: *Дворниченко А. Ю.* Зеркала и Химеры. О возникновении древнерусского государства. СПб.: Евразия; М.: Клио, 2014.

² *Юсова Н. Н.* Генезис концепції давньоруської народності в історичній науці СРСР (1930-ті — перша половина 1940-х рр.). Вінниця: Консоль, 2005.

будем надеяться, возникнет более ясный и четкий образ этого удивительного человека, настоящего российского профессора.

Список литературы

Дворниченко А. Ю. Владимир Васильевич Мавродин. Страницы жизни и творчества. СПб.: Филологический факультет, 2001.

Дворниченко А. Ю. Зеркала и Химеры. О возникновении древнерусского государства. СПб.: Евразия; М.: Клио, 2014.

Панеях В. М. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб., 2000.

Юсова Н. Н. Генезис концепції давньоруської народності в історичній науці СРСР (1930-ті — перша половина 1940-х рр.). Вінниця: Консоль, 2005.